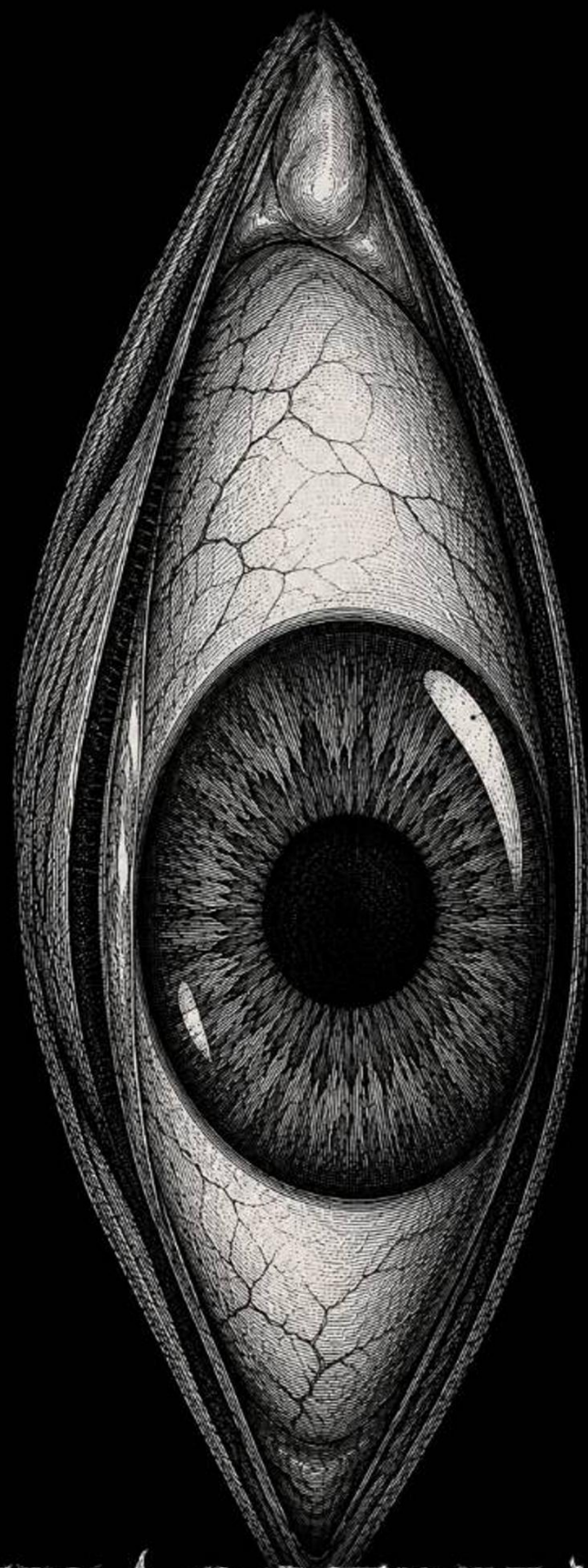

СТЕКЛОЗЕРКАЛЬЕ

Денис Алимов

18+

Денис АЛИМОВ

Стеклозеркалье

«Автор»

2026

Алимов Д.

Стеклозеркалье / Д. Алимов — «Автор», 2026

Кирилл — простой спасатель. Иногда он снимает с деревьев кошек, бывает, приезжает вскрыть дверь или срезать застрявшее на пальце кольцо. А случается, ему приходится видеть смерть: собирать изуродованные останки, выносить растекшиеся трупы одиноких стариков из их квартир-саркофагов или выламывать ворота гаража с мертвыми любовниками в салоне заведенного автомобиля. Со временем это становится обыденностью. Однако все меняется после одного вполне рядового выезда. С Кириллом и его бригадой начинают происходить загадочные события — словно бы некая сила принимается преследовать их, являя вещи, граничащие с безумием.

© Алимов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

I. Rigor mortis	5
II. Agonia	12
III. Putrida	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Денис Алимов

Стеклозеркалье

I. Rigor mortis

Клеммы с аккумулятора сбросили еще до их приезда. Видимо, перестраховались — от удара бензобаки у автомобилей остались целыми и разлива топлива не случилось. Оно и к лучшему, ведь не пришлось возиться и смывать бензин с асфальта.

Легковушку сильно покорежило, и чтобы достать тела, требовалось срезать крышу. Полу-сгнившему грузовичку повезло больше, ровно как и его водителю — можно сказать, он легко отделался. Конечно, переломы и многочисленные ушибы вещь неприятная, но это было куда лучше, нежели чем смерть.

Впрочем, смерть могла быть разной: иногда человек уходил быстро и без мучений, но случалось и так, что его переход в мир иной сопровождался невыносимыми страданиями.

Хотя Кирилл в иные миры не верил. Как и отрицал потустороннее. Для него окружающая реальность виделась простой и нетривиальной, подчиняющаяся исключительно законам физики.

Другие коллеги-спасатели в большинстве своем придерживались противоположного мнения, за годы работы, насмотревшись всякого. Кирилл относился к подобному со снисхождением — что поделать, раз люди в силу скудности своего образования и познаний оправдывали непонятные для них вещи происками сверхъестественных сил.

Пока подключали гидравлические ножницы к генератору, ему вспомнился один случай. Как раз из разряда «необъяснимого». Тоже произошла автомобильная авария, правда, машина была одна, но зато какая: фура, груженная весьма специфическим товаром — серной кислотой. И перевозили ту в особом баке.

Водитель для такой необычной поездки, зачем-то, взял с собой жену и сына. Это потом от родственников выяснилось, что мальчишка давно уговаривал отца свозить его с собой показаться. Для чего с ними отправилась жена, осталось загадкой.

Увы, обстоятельства сложились таким образом, что именно в том рейсе случилось непонятное — мужчина не справился с управлением и вылетел на обочину, перевернувшись. Бак с кислотой лопнул, и она растеклась. Возни с ней потом было много: понадобилось специальное оборудование и экипировка.

Когда первым делом достали пострадавших — водителя и жену, — те были изуродованы и мертвы. А ребенок пропал. Вообще. Бесследно.

Прочесывание местности не дало результатов. Тогда решили, что мальчишку растворило кислотой, однако опрошенные химики заверили, что за время, пока спасатели добирались до места катастрофы, тот не мог раствориться полностью.

Вообще человеческие тела кислота уничтожала не так скоротечно, и на это требовались дни и недели. А тут прошло пару часов: от трупа, пускай даже детского, должно было хоть что-то остаться. Но они ничего не нашли. Никто ничего не нашел.

На фоне этого отдельные его коллеги взялись строить всевозможные догадки и теории. Чего только им не приходило в голову, в том числе и идеи насчет потустороннего.

Скелетированные останки ребенка обнаружили спустя год, прикопанные на заднем дворе деревенского дома их семьи. По перелому подъязычной кости эксперт определил, что паренька придушили. И зарыли рядом с компостной ямой.

Вот и итог всяких загадок.

Костя, высоченный парень под два метра ростом, да еще и к тому же бывший десантник, взялся за гидравлические ножницы и приступил резать первую стойку.

Обычно такую работу доверяли Кириллу, но у него еще до конца зажила рука после перелома. Гипс хотя и сняли несколько месяцев назад, с прежней эффективностью он орудовать ею не мог. Да и у Кости хорошо выходило: отщелкнув одну стойку, он незамедлительно взялся за следующую.

Кирилл еще раз пробежался взглядом по окружению. Работать пришлось посреди небольшой двухполосной дороги. Состояние ее оставляло желать лучшего.

Как пришло в голову водителю легковушки разогнаться по таким ухабам и залатанным ямам (а скорость, судя по повреждениям, машина развила очень приличную), было вопросом отдельным. Подобным образом мог поступить лишь недалекого ума человек.

Жаль было пассажиров. Ладно, убился сам, но их зачем было за собой утягивать? Они уж точно ни в чем не были виноваты. Но, как любил напоминать начальник Кирилла, у смерти на всех имелись свои планы, и в какой момент ожидать подвоха, не знал никто из живущих на земле.

Авария случилась в весьма живописном месте, и, пускай на дороге властвовала смерть, повсюду вокруг была ключом жизнь. Стояла весна — мир оживал от зимней спячки. Апрель с мартом выдались необычайно теплыми: снег практически везде растаял, и даже под вековыми елями, росшими по обеим сторонам дороги, его лежало мало.

Кирилл набрал полную грудь лесного воздуха — тот был необычайно свеж, в нем чувствовались весенние ароматы. Набухали почки, пробивались ростки травы, пели птицы. Мир радовался, мир продолжал жить. Это был процесс, который, несмотря ни на что, не останавливался, ни на секунду не замирал и не прекращался. И ему не было дело до людей, до их проблем и умозаключений. Движение — это жизнь.

Правда, в данном случае лозунг сыграл диаметрально противоположную роль.

— Кирюх! — отвлек его от философствований Виталик (тот был ужасно любопытным и к тому же не мог усидеть на месте, поэтому на каждом выезде вечно копался где-то, удовлетворяя тем самым свой интерес). — Иди глянь, чего тут!

Тембр его голоса явно свидетельствовал о том, что ему попало на глаза нечто необычное. Иначе бы Кирилл и не повел глазом — меньше всего на таких вызовах его интересовали детали. Не любил он возню с мертвыми, и старался завершить дела как можно быстрее.

— Чего у тебя? — направился он к коллеге, стоявшему около багажника. — Что на этот раз? Номера необычные?

— Ага, сейчас я тебе такой номер покажу, — азартно поддакнул Виталик и поправил каску. — Вон, зацени.

Он показывал куда-то вниз, на асфальт. Подойдя ближе, Кирилл заметил, что из багажника стекала какая-то жидкость, успевшая собраться в лужицу.

Это была кровь. Из багажника сочилась кровь.

Она не могла принадлежать пострадавшим — те находились в салоне.

Кирилл заметно напрягся. Неужели внутри был еще один человек? Отогнав бредовую мысль, он переглянулся с Виталиком и осторожно ухватился за крышку багажника. Тот практически не пострадал, его не повело и, следовательно, открыться должен был без загвоздок. Если, конечно, его не заперли.

Потянув на себя, Кирилл понял, что багажник был открыт. Тогда он приподнял крышку: внутри покоились свиные головы.

— Чего только не увидишь, — хмыкнул Виталик и вновь поправил каску, немного оттянув ее назад.

— Купили где-то, — предложил Кирилл, разглядывая груз. — Холодец варить, например.

По совету врача, чтобы кости лучше заживали, он, пока ходил с гипсом, постоянно покупал холодец и ел его в больших количествах. Наверное, именно поэтому его посетила ассоциация с холодцом.

— Весь багажник теперь засран, — Виталик потрепал одну из голов за ухо. — Блин, какие-то они странные.

— Ты о чем?

— Да глянь, — он, держась за ухо, повернул голову. — Рубили криво, вон сколько насечек. И почему их не опалили? И даже кипятком не ошпаривали, смотри, щетина какая.

— Действительно, — Кирилл скосился на другие головы, которые тоже были не обработаны. — Ну, мало ли. Может, они на комбинате нашем закупили или на ферме какой?

— Алле, ты чего? — фыркнул Виталик. — Комбинат уже год, как закрыт. Там же эпидемия была. Я пацанам рассказывал об этом, у меня свояк работал. Саня толстый. Такая история! Я ведь и тебе говорил.

— Помню-помню, — вскользь бросил Кирилл.

Никаких историй он, конечно, не помнил, потому как слушать такого балабола, как Виталик, было делом глупым и бесполезным: тот обожал приукрашивать свои рассказы, в этом плане уподобляясь рыбакам и их добыче.

— Не с комбината они, — Виталик убрал голову в сторонку и полез доставать другую, лежащую под ней.

— Решил все проверить?

— Почему нет? Я же не вору, просто смотрю.

Его любопытство вскоре было удовлетворено по полной: под свиными головами нашлись несколько обмотанных нитками клубков ткани. Это были обрывки одежды, пропитанные кровью. И кто-то в них что-то завернул.

— Ого! — воскликнул Виталик. — Видал?

— Брось херней страдать, — Кирилл посмотрел на пропитанные кровью свертки с отвращением. — И ты это в руки возьмешь?

— Тебе разве не интересно, что внутри?

— Нет, не интересно, — заявил он и отвернулся: Костя почему-то слишком долго возился со второй стойкой.

Кирилл уже собирался подойти и разобраться, но Виталик успел развернуть ткань и сунул ему под нос находку: внутри лежали россыпью зубы. Видно, их кто-то вырвал у свиных голов и зачем-то уложил таким вот странным образом.

— Слышь, отвали, — предупредил Кирилл. — Выкинь это говно и делом займись.

Виталик уловил нехорошую интонацию и, не раздумывая, кинул тряпки обратно в багажник. Кирилла злить ему не хотелось. Уже по этому поводу имелись прецеденты, и все знали, что когда тот раздражен, к нему лезть стоило только по делу. Завернутые в обрывки одежды свиные зубы в эту категорию не попадали.

Кирилл подошел к Косте — гидравлические ножницы работали не так, как надо.

— Генератор менять пора, — оправдываясь, мотнул головой Костик в сторону оборудования. — Я говорил Дмитричу. А они все завтраками кормит. Видишь, заедает.

— Дай-ка, — Кирилл забрал у него инструмент и, несмотря на травмированную руку, сам взялся за работу.

Под его началом ножницы функционировали исправно, и через некоторое время он разделался с оставшимися стойками. Обычно в таком случае срезали две передних, затем отгибали крышу и вытаскивали пострадавших. В этой же ситуации находящиеся в салоне были мертвы, и торопиться не стоило. Поэтому срезали все четыре стойки — не надо было морочиться с отгибанием крыши, да и возиться с мертвыми таким образом выходило куда сподручнее.

Убрав крышу, увидели всю картину целиком. Спереди находились двое: мужчина-водитель и молодой парень. От удара им зажало ноги.

Бестолковый мужик, который уткнулся на тот свет за собой остальных, покалечился сильнее всех: его голову размозжило, грудную клетку переломало.

Парень (еще вполне себе молодой, вряд ли старше 25 лет) пострадал поменьше, но его травмы тоже были, как принято писать в сводках — «несовместимы с жизнью». Верхний свод черепа вдавило внутрь и проломило лобные кости, осколки которых вошли в мозговое вещество, вытекшее ему на лицо. Помимо этого, наверняка наличествовали множественные переломы нижних конечностей, а то и таза.

Третьим пассажиром являлась девушка — та валялась на заднем сиденье. Она выглядела относительно целой, но сила удара была такова, что и ей уберечься не удалось.

Может быть, неопытный человек принял бы ее за живую, просто сильно пострадавшую, но немигающий взгляд (а глаза у нее остались открытыми) говорил сам за себя.

Конечно же, бывало всякое, и открытые глаза с отсутствующим взглядом нельзя было отнести к стопроцентным признакам смерти. Но Кирилл слишком много раз видел таких вот пострадавших и научился с высокой долей вероятности определять, когда человек еще жив, а когда уже нет.

Однако правилами предписывалось убедиться в том, что человек мертв. И никакие знания Кирилла или его опыт не должны были нарушать это правило. Он подобрался к девушке и, сняв перчатку, надавил ей на глаз.

Весеннее солнце светило ярко, озаряя окружающий мир, и было прекрасно видно, как зрачок у девушки деформировался. У живых такого произойти не могло. А значит, перед ними был труп.

— Мертва? — учтиво поинтересовался Костя.

— Да, — Кирилл огляделся, что-то для себя подмечая. — Сначала ее вытаскиваем, потом остальных.

Девушка была чуть старше паренька — ее возраст, скорее всего, подбирался годам к тридцати. При жизни она была вполне себе симпатичной. И поскольку лицо ее не особо пострадало, осталась такой и после смерти. У нее были густые рыжеватые волосы.

Пока Виталик тащил щит для переноски, Кирилл задумался, глядя на эту девушку: какой она была при жизни? Признаться честно, о таких вещах он обычно старался не рассуждать. Если сожалеть или думать о каждом погибшем, надолго тебя не хватит.

Поэтому мертвых он воспринимал как неизбежную часть работы, и они в некотором смысле являлись для него не совсем людьми. Ему привычнее было считать их некими объектами. Да, это было цинично, зато позволяло абстрагироваться от переживаний и работать эффективнее.

Он еще раз взглянул на девушку. Интересно, какой у нее был характер? К сожалению, по потухшим глазам сказать это было уже невозможно.

Ему вспомнилось, как два года назад он вот так же вытаскивал молоденькую девчонку из смятой малолитражки. Та, едва получив права, умудрилась угодить под стоявший на обочине прицеп.

Скорость, хоть и была небольшой, однако удар пришелся прямоком в голову — ее снесло напрочь. Но и так, без лица, было понятно, что девушка красива: ее точеное тело красноречиво говорило об этом. Он запомнил ту историю, потому что потом уволили патологоанатома.

Скандал вышел грандиозный. На патологоанатома даже попытались возбудить дело. Кирилл слышал, рассчитывали подвести под надругательство над телами умерших. Но не вышло. Сам виновник, естественно, после такой работы лишился, и нерадивого извращенца отправили куда подальше. В считанные дни он покинул город.

Со щитом подошел Виталик — тот хотел распахнуть заднюю дверь, но все четыре двери смяло, и открыть их без инструмента было нельзя. Поэтому он захлопнул багажник и положил щит сверху.

Девушка была легкой. Трупное окоченение еще не началось, и возиться с ней не пришлось — ее погрузили достаточно быстро.

Затем Кирилл подлез к трупам на передних сиденьях: следовало придумать, как получше к ним подступиться, чтобы высвободить зажатые и раздробленные ноги.

С водителем, можно сказать, повезло — нижние конечности фактически отделились от тела. Достаточно было потянуть его на себя с определенным усилием.

А вот паренек застрял куда основательнее. Пока Кирилл прикидывал дальнейшие действия, ему на глаза попала правая рука покойного: он что-то сжимал в кулаке. Для Кирилла какие-либо манипуляции с мертвыми ограничивались служебной необходимостью, однако в этот раз он зачем-то пошел на поводу у своего любопытства и разжал кулак.

Совершенно непонятно, к чему мертвец держал в руке железнодорожный билет № 880780 до станции Новороссийск. Бумажный прямоугольник был весь потрепан, что вкупе с качеством печати позволяло предположить, что он очень старый. К тому же до Новороссийска насчитывалось почти полторы тысячи километров по прямой.

Зачем погибшему в его последние мгновения жизни понадобился замшелый билетик? Вкупе с багажником, доверху набитым свиными головами, это выглядело странно. Но наверняка всему имелось логичное объяснение.

Может, парень хранил билет как оберег? Или просто на память. Решил показать его водителю, тот отвлекся, и они угодили в лоб грузовичку. Нет, стал бы кто-то отвлекать водителя, когда тот пошел на обгон? Так мог бы сделать только идиот.

Кирилл покосился на мертвого паренька — тот был пристегнут и идиотом, скорее всего, не являлся.

Изучив билетик, он вложил его обратно в руку покойника. Пускай остается при нем, раз ему столь дорог.

— Что-то интересное нашел? — спросил вернувшийся Виталик после того, как они с Костей отнесли мертвую девушку к труповозке.

По идее, заниматься таким должны были те, кто на этой труповозке работал, но таковы были нынешние реалии и договоренности между службами.

— У этого, — Кирилл указал на водителя, — ноги почти отрезало. Так его вытащим, без ножниц. А парня придется вытягивать. Костя! Иди сюда.

Первым решили вытаскивать паренька.

Константин вооружился гидравлическими ножницами и принялся отгибать покореженный металл. Инструмент работал на этот раз без сбоев. Потом начали освобождать ноги.

Картина предстала неаппетитная — голени раздавило всмятку. Через рваную ткань торчали кости, болтались разможенные мышцы. Колени были раздроблены. Останься парень жив, наверняка ему пришлось бы ампутировать обе конечности до средней трети бедра.

Нанесенные увечья были весьма болезненны: Кирилл даже не хотел представлять, насколько интенсивной должна была быть боль. Хотя, когда он сломал себе руку, никакой боли практически не было. Но то закрытый перелом предплечья, а здесь наблюдались куда более серьезные травмы.

Оттянув покореженный металл и в достаточной степени высвободив ноги, достали парня.

— Не подфартило, — стараясь не раздражать лишним раз Кирилла, прогудел Виталик сочувственным голосом. — Совсем молодой. Жестокая штука жизнь.

— Смотри не заплачь, — отчеканил раздраженно Кирилл. — Отнесите парня, а потом займемся водителем.

Как управились, полезли за виновником трагедии. С этим разобрались еще быстрее — Костя дернул его за плечи и стащил вниз. Штаны от столкновения порвались, и не понадобилось возиться с тканью, разрезая ее.

Правда, ошметки ног остались лежать зажатые — их посчастливилось выковыривать Виталию. Управился, однако, он ловко. Достал обе и подложил к телу, туда, где они по идее должны были находиться.

К тому времени к ним присоединились служивые из автоинспекции, которые все это время возились где-то в стороне. Мертвецов они не любили, и если случалась авария с погибшими, старались не мельтешить рядом.

Персонал скорой, наоборот, был слишком привычен к мертвым — те не вызывали у них интереса. Потому бригада вместе с водителем курила у машины, ожидая, когда достанут все тела, и лишь только после этого проявила внимание.

Виталик, не найдя понимания у Кирилла, решил поделиться с ними наблюдениями.

— А в кулках зубы лежат! — закончил он свою историю и нарочито громко, чтобы Кирилл услышал, добавил. — И кажется мне, зубы эти не от свиней. Я бошки отрубленные посмотрел, у них зубы на месте.

Новых слушателей рассказ не пронял — на багажник и его содержимое дружно плюнули.

Закончив и собрав оборудование, все разъехались.

Оставшаяся часть дня прошла вполне обыденно. Поскольку Кирилл не так давно вышел с больничного, на дежурства его не оставляли, и к вечеру отправили домой.

Обитал он в небольшой двухкомнатной квартирке на последнем этаже панельной пятиэтажки. Жить в такой ему не нравилось: летом было жарко, зимой холодно. К тому же квартира была угловая, и со щелей под окном вечно дуло. Сколько он не старался заделать их, похоже, окончательно решить вопрос с ними было невозможно.

С соседями тоже не повезло — снизу жила полоумная бабка, которая по любому поводу долбила в батарею, а сбоку старый спивающийся дедок. Но тот хотя бы особо себя не проявлял. Правда, от него вечно ползли тараканы, и Кирилл вел с ними незатихающую войну.

По весне надоедливые насекомые предпочитали расползаться от деда по вентиляции, а летом, когда окончательно устанавливалась теплая погода, они начинали вылезать на наружную стену дома и оттуда штурмовали соседние квартиры.

Из-за этого с дедом непрестанно конфликтовали, стараясь воззвать к его совести, но дед спивался, и до совести ему никакого дела не было. Достать бутылку да залить ее в глотку — вот единственные вещи, что его интересовали.

Кирилл в последние полгода жил не один — к нему переехала его нынешняя зазноба Лариса. Они познакомились прошлой осенью, коллеги подсобили. Лариса была заметно старше, имела опыт неудачного брака и ребенка на иждивении, который жил с бабушкой. Что он в ней нашел, Кирилл не понимал. Вероятно, всему виной являлась ее настойчивость.

Сразу после знакомства, в ту же ночь, она отправилась с ним на ночевку, там все и завертелось. Что поделать, Кирилл всегда был падок на женское внимание, а как откажешь женщине, если она сама напрашивается в твою постель.

Какого-нибудь Костю и Виталика, эта особа наверняка бы смутила пышными формами и пристрастием к броским и иногда откровенно безвкусным вещам. Кирилл же к подобному был лоялен. Кто и во что одевается, его никогда не заботило.

Сам он предпочитал одежду простую, главное, чтобы она была удобной. После армии он вообще долгое время предпочитал ходить в форме, и не потому, что кичился службой, а просто такая одежда казалась ему комфортной.

Лариса встретила слегка подшофе — кажется, был какой-то праздник. Это дело она любила, но не позволяла частить, и на буднях не употребляла. Хотя нынче была суббота, соответственно, выходной день.

Предложила выпить и ему. Обычно он отказывался, но почему-то после тех мертвецов остался какой-то осадок, который хотелось смыть.

Лариса обрадовалась. Тут же был накрыт стол, сымпровизирована простенькая сервировка. Посидели неплохо: его пассия болтала без умолку, рассказывая всякие разные истории с работы (она трудилась продавщицей в небольшом торговом центре рядом с местным рынком). Кириллу было не интересно, но слушал он внимательно — нелепые байки заставляли забытья.

Под вечер, после посиделок, удалились в спальню. Когда все закончилось, Кирилл, закурил прямо в кровати. Лариса пристроилась под бок и, любуясь на него, гладила по груди.

— Был сегодня случай, — сам не понимая почему, решил он вдруг поделиться своими мыслями, — авария, три трупа, а в багажнике куча свиных голов. Прямо доверху набито. Мы с пацанами головы сломали, думая, зачем столько?

— И ты решил у меня спросить? — улыбнувшись, игриво пролепетала она.

— Ты что имеешь в виду?

— Ну как же, — Лариса захлопала глазами. — Я ведь работала на свиноферме, свиньи это моя тема.

И Кирилл вспомнил: ведь действительно, Лариса когда-то рассказывала, что раньше работала на свиноферме. Это был большой животноводческий комплекс, который, о чем сегодня, кстати, упоминал Виталик, некоторое время назад закрыли.

— Какая ты у меня догадливая, — подыграл он. — Мне коллега сказал, что странные они, эти головы.

— Странные? — она приподнялась на локте.

— Как-то нарубили криво, там все вкривь и вкось.

— Свиная голова вещь хорошая, — авторитетно заявила Лариса. — С нее и холодец, и супчик, и бульон. Опять же зельц можно сварганить, а то и рулетик.

Дальше она принялась рассказывать про свиней, особенно налегая на то, как лучше их готовить и сколько блюд можно сообразить из хорошей свининки.

От подобных разговоров Лариса стала словно сама не своя и глянула на него так, что он моментально понял ее намек. А она полезла руками под одеяло.

II. Agonia

Весна, оказавшаяся необычно теплой, такой и осталась. Не было даже майских заморозков, которые в предыдущие годы не очень-то радовали. Более того, и осадков выпадало какое-то минимальное количество. А когда наступило лето, то дожди и вовсе прекратились. Практически все время сияло солнце.

Из-за этого к середине июня большая часть зелени, что успела прорасти, сделалась пожухлой. И уже к концу месяца начались пожары.

Вообще, горело каждое лето — это было неотъемлемой частью окружающего мира, и год от года разнилась только интенсивность. Бывало, площадь возгораний была смехотворной, а случалось, это вызывало серьезные трудности. Но как тем летом, не разгоралось никогда.

В обязанности Кирилла не входила задача заниматься тушением лесных пожаров, однако, если они начинали представлять опасность для людей и населенных пунктов, приходилось подключать и его с коллегами. Естественно, когда пылала большая часть области, такая угроза возникала.

И стартовала бесконечная череда вызовов: они едва успевали справляться на одном участке, как огонь подбирался к людям на другом.

Работа превратилась в вереницу разъездов — кадров и техники не хватало. Их бригада каталась практически по всем районам. Он стал редко бывать дома. Лариса злилась, начинала себе надумывать, что ее суженый на самом деле завел себе кого-то на стороне.

Кирилл советовал ей почаще выглядывать из окна. Дымило так сильно, что накрывало весь город: в некоторые дни стояла, будто туман, дымка, которая окрашивала солнце в багровый цвет. Лариса бесилась, не хотела верить, что, в свою очередь, бесило Кирилла: как можно было быть настолько недалеко?

Как-то раз он специально приехал домой, чтобы она поглядела на него, чумазого и потного, и удостоверилась, что ни у какой другой женщины он не был. Лариса же взяла и обиделась на него из-за появления в столь неподобающем виде. Одним словом, между ними наметился разлад.

Однако дальше работы стало еще больше, и проблемы с личной жизнью отошли на второй план.

Ко второй половине июля пожары продолжали буйствовать, и не было никаких тенденций к их ослаблению. Более того, муссировали упорные слухи о том, что все эти возгорания случались не просто так, а являлись рукотворными, и якобы в области завелась банда поджигателей.

Кирилл в подобное не верил, потому что многие очаги наблюдал воочию — для такого понадобилось слишком много соучастников, и группа с такой численностью где-нибудь да была замечена.

И вот в один из дней напрямую от руководства поступила неординарная задача: выехать на объект и эвакуировать оттуда людей. В качестве объекта выступал частный детский лагерь.

Пока добирались, еще один коллега — Руслан, по совместительству их водитель, — поделился интересным.

— Понтовое местечко этот лагерь, — откровенничал он, пока добирались. — Помните, у нас рядом с мостом стоял дом заброшенный? В котором еще всякие бичи костры жгли?

— Это бывшая усадьба какого-то купца, — подсказал Виталик, — я там бывал по молодости. Там у панков был сквот.

— Что было? — не понял водитель и повернулся к Кириллу. — Заработался у тебя сотрудник, уже не по-нашему балакает.

Руслан так шутил, поддевая Виталика, потому как со своей дурацкой любознательностью тот его тоже бесил.

— Сквот, — повторил Виталик. — Не важно, проехали. И что с этой усадьбой?

— Отгрохали гостиницу! Отремонтировали, покрасили, марафет навели.

— А, ты об этом, — разочарованно отозвался он. — И каким боком тут лагерь детский?

— Ты до конца дослушай, а потом перебивай, — нарочито напутственно произнес Руслан, а заодно подмигнул Кириллу: пускай, мол, знает свое место.

— Так рассказывай, — пренебрежительно бросил Виталик, задетый такой фразой.

— Короче, гостиницу забабахал какой-то столичный бизнесмен. Надоела, наверное, ему столица, вот и решил сюда податься. Или послали его куда подальше. Там таких бизнесменов хоть жопой жуй, а у нас, понятное дело, пожиже. И решил это кент тут попробовать, и, похоже, поперло. По крайней мере, после гостиницы, он как раз этот лагерь детский и отгрохал. Природа у нас красивая, места хорошие. Плюс земля недорогая. Теперь туда дети всяких богатеев гоняют. Как я слушал, там все по высшему разряду. Даже вроде и вертолетная площадка есть.

— Вертолетная? — саркастично хмыкнул Кирилл. — И почему тогда богатеньких детишек не вывезли на вертолетах? А вместо этого скинули на нас, бедных и недовольных тружеников.

— Да! Почему это?! — поддакнул Виталик.

— Мне почем знать? — Руслан прикурил. — За что купил, за то и продаю. Болтали, что есть вертолетная площадка. А так ли это, поди узнай! Балакали, что бассейн еще есть, пирс с катерами, в общем, дорого-богато.

— Все это вранье, — подытожил Кирилл. — Лучше за дорогой следи, а то не встрять бы где-нибудь.

Советовал он не просто так: лагерь находился не так далеко от города, но чтобы до него добраться, требовалось съехать с трассы и несколько километров пробираться по лесной дороге. Несмотря на всю элитарность учреждения, подъезд к нему вел по обычной грунтовке, проложенной среди леса.

С учетом того, что для дела им выделили старенький микроавтобус, который был совершенно не предназначен для пересеченной местности, совет водителю прозвучал стоящий. Хорошо еще осадков давно не было, и ни грязи, ни луж не имелось.

— Ты мне лучше скажи, — высказался в ответ Руслан, — почему они у нас нашу ласточку забрали и эту консервную банку подогнали? Если где сядем, то вытаскивать долго будем.

— А это не нашего ума дела. Нам что сказали, мы то и делаем. Как и почему, вопрос второстепенный. К тому же, — добавил он более миролюбивее, — вся техника позарез на других участках нужна. Тут всего-то лесная грунтовка, причем сухая. Я бы на твоём месте лучше волновался насчет пожара. По сводкам ему до лагеря еще далеко, но чем черт не шутит, если ветер поднимется, огонь быстро расстояние покрыть может.

— Сплюнь, — вмешался в разговор Костя, до этого отсиживающийся где-то в глубине салона и только теперь перебравшийся поближе к остальным. — На той неделе и так деревня сгорела, не успели людей вывезти, шесть трупов.

— Это которая? — не преминул утолить свое любопытство Виталик.

— Демихово, что ли? — попытался припомнить Костя. — Да, вроде Демихово.

— А до этого Антоново выгорело, — задумчиво произнес Виталик. — И там тоже несколько человек погибли.

— Не несколько, а целая семья, — поправил Руслан. — Жена с мужем и двое детишек. Нашли их потом на пепелище сгоревшего дома. Хреновы наши дела, ребята, деревеньки эти по разные стороны реки находятся, значит, везде горит.

— Отставить панику, — скомандовал Кирилл, пока остальные не начали надумывать всякого. — Лето сухое, и весна сухой была, чего вы теперь хотите? Конечно, везде гореть будет. Но это ведь не один сплошной пожар. Тем более, мы успешно боремся с очагами.

— Так мы ничего такого и не говорим, Кирюх, — вступился за всех Костя. — Просто прикидываем, каковы наши шансы быстренько съездить до лагеря и вернуться с детишками, пока огонь не подступил.

— Высокие, — успокоил он. — Сегодня погода безветренная.

Вокруг и вправду царило безветрие. И совершеннейшая безоблачность — на голубом летнем небе безраздельно царствовало солнце. Оно нагрело воздух до тридцати с лишним градусов, и от земли поднималось теплое море.

Когда въехали в лес, сразу запахло смолой: повсюду росли сосны. И, похоже, они единственные, кто держался — остальная растительность, особенно нижний подлесок, серьезно пострадала от жары. Отсутствие осадков и солнечные лучи превратили всю траву в высушенный гербарий. Достаточно было бросить спичку, чтобы все это запылало.

К счастью, пока эта бомба замедленного действия не сдетонировала. Но общая обстановка складывалась напряженная.

Кирилл постоянно корил себя за то, что согласился: по сути, особой опасности для детского лагеря пожары не представляли (это обстоятельство он предусмотрительно утаил от своих коллег), и его бригада была гораздо нужнее на других участках. Но от настоятельной просьбы начальника отказаться он не мог. К тому же, тот не раз выручал его самого — теперь приходилось отплачивать тем же.

«Ко мне знакомый генерал-майор обратился, — вспомнился ему разговор в кабинете у начальства. — Говорит, помочь надо. Важные люди просят съездить, забрать несколько человек из одного места. И не надо на меня так смотреть! Вопросы «почему мы?» и «чего они сами не могут?» отставить! Приказ ясен? Приступай к выполнению!».

Вот и весь разговор. А про детский лагерь ему уже потом сказали. И заодно, раз сложностей не намечалось, выдали самую захудалую технику, которую к серьезным делам нельзя было привлечь.

Пока Кирилл размышлял о своем, коллеги продолжали переговариваться: снова взялись обсуждать пожары. Припомнили, что еще в июне тоже сгорели где-то люди на окраине области. И что раньше такой смертности не было — погорельцы обычно успевали ретироваться.

Пожалуй, свою роль сыграл ветер. В этом году, опять же, вероятно, из-за жары, он часто становился очень сильным и начинал гнать пламя с невообразимой скоростью. Бывало, она достигала десятков километров в час.

— Ты хоть раз верховой пожар видел? — пререкался Руслан с Виталием, не желавшим верить в такие скорости. — Вот лучше молчи, раз не знаешь. Я побольше твоего живу и раньше в лесоохране работал. Я сам видел, как пожар по верхушкам деревьев неся, быстрее автомобиля. А те, кто внизу под ним был и не успел убежать, все сгорели заживо. Так что не надо мне тут выживать.

«Странно, — подумалось Кириллу, — он никогда не заикался о том, что раньше работал в лесоохране».

Под эти невеселые разговоры добрались до внешнего периметра объекта. Здесь стало сразу понятно, что все разговоры про богатеньких детей, бассейны и лодочные пирсы выеденного яйца не стоят — об этом красноречиво свидетельствовала ограда, отделявшая лагерь от окружающего мира.

Для сколько-нибудь стоящего места наверняка нашли бы куда лучшее, нежели чем криво вкопанные деревянные столбики, между которыми была намотана колючая проволока. Так обычно отгораживали всякие могильники и прочие гиблые места, но никак не детские лагеря.

Грунтовка вывела к таким же убогим, импровизированным воротам: эти были две ржавые рамы с наваренной на них колючкой, подвешенные на грубо приваренные петли.

— Говорила мне мама, что хорошее место лагерем не назовут, — отшутился Виталик, увидев ограду и ворота.

— Бухенвальд какой-то, — вторил ему Костя.

— Зато открыто, — подметил Руслан (ворота действительно были распахнуты настежь) и обратился к Кириллу. — Ну что, поехали?

— А зачем мы, по-твоему, здесь? — буркнул Кирилл, вглядываясь: за колючкой шел такой же лес, и тянулось дальше грунтовка.

До самого лагеря оказалось недалеко — метров 200-300. Располагался он около реки, в естественной низине, образованной ее руслом. Поэтому, чтобы не рисковать дышащим на ладан транспортом, они оставили микроавтобус наверху, а сами спустились.

Места были живописные: речка делала плавный поворот, а ее тихие воды неспешно двигались в сторону Каспийского моря. Сам лагерь весьма гармонично вписали в общий пейзаж, так что он практически не бросался в глаза.

Сначала спускавшиеся заметили два одноэтажных барака, разделенных на секции. Между ними находилась выровненная площадка, где можно было играть в волейбол. Чуть в стороне обнаружилась парочка беседок. Ближе к речке виднелась выложенная из досок дорожка, которая заканчивалась около одинокого здания у самой кромки воды. Там же был пирс.

К сожалению, вскрылся неприятный момент — на той стороне реки бушевал пожар: над лесом поднимались гигантские клубы дыма. Но, скорее всего, реальной опасности это не сулило, потому как горело далеко. К тому же от стихии отделяла речка, ширина которой в этом месте составляла около 100 метров.

На дым покосились многие, но Кирилл на корню пресек любое паникерство. А затем, когда спустились чуть ниже, им стало не до пожара — вид лагеря насторожил всех присутствующих.

С первого взгляда показалось, что все в порядке, однако по мере приближения сделалось видно: не все так благополучно — на территории царил беспорядок. Площадка была завалена всяким мусором, двери в бараках были открыты настежь, а одна из беседок несла на себе следы возгорания.

— Кирюх, — первым засомневался Костя, обладавший отменным зрением, — мы часом адресом не ошиблись? Сначала егоза, теперь срач этот. Что-то не катит за детский лагерь. По крайней мере, для детишек всяких мажоров.

Кирилл ничего ему не ответил, потому как его самого посетили схожие мысли.

— Я вас правильно привез, — сразу предупредил Руслан. — Тут одна дорога.

— Дорога может и одна, — не преминул воспользоваться возможностью поддеть за прошлые подколы Виталий, — но лагерей может быть несколько. А вдруг это взрослый лагерь? Похоже ведь. Да и посмотрите, детей тут нету.

Кроме них, здесь действительно никого не наблюдалось.

— Дойдем и проверим, — решил Кирилл. — Если ошиблись, вернемся и найдем правильное место.

И продолжил спускаться к баракам. Опасения насчет того, что это не детский лагерь быстро рассеялись — среди мусора, валявшегося на территории, во множестве попадались вещи, которые вряд ли могли принадлежать взрослым. Это были всякие полотенца с мультяшными героями, одежда соответствующего дизайна и размера, какие-то книжки-раскраски и комиксы.

В то же время встречались и другие находки: пустые бутылки из-под алкоголя, мужская и женская одежда, кружевное белье, сигаретные пачки, презервативы.

Дивясь и оглядывая раскиданные на земле предметы, они решили заглянуть в бараки. Двери были нараспашку, а в номерах царил хаос: мебель была разбита и поломана, сверху валялось разодранное постельное белье и матрацы.

Что в первом, что во втором бараках картина представлялась идентичной.

Встали около волейбольной сетки, закурили. Догадки имелись у каждого, вот только озвучивать их пока никто не торопился.

— Я знаю, что случилось, — взял на себя смелость заговорить Виталик.

— Давай, бомби, Шекли, — сыронизировал Руслан, затягиваясь дешевой и пахучей папиросой.

— Детишки эти увидали, как на той стороне загорелось, пересрались и сдриснули. Ребята ведь непростые, ко всяким опасностям непривыкшие. А то, что вещи везде побросали, так чего им эти вещи? Им папка с мамкой новые купят, еще больше и круче.

— Зря мы, получается, что ли, ехали? — расстроился Костик, которому версия Виталика показалась убедительной. — Кирюх, что делать будем? Они ведь и правда все свалили. Никого же нету.

Все вылупились на Кирилла — ждали его решение. Надолго задерживаться тут никому не хотелось, тем более, пускай и через речку, но бушевал пожар.

— Надо все равно проверить лагерь, — постановил он.

Виталик чертыхнулся и недовольный, отошел в сторонку, чтобы не показывать свое негодование. Остальным идея тоже не пришлась по нраву, но как-либо демонстрировать они это не стали. Кирилл решил дать им время докурить и после выдвигаться.

Однако уже через несколько секунд всеобщим вниманием завладел недовольный Виталик.

— Эй, народ! — окликнул он остальных. — Идите ко мне! Смотрите, чего нашел!

Воодушевление в его голосе свидетельствовало о том, что он наткнулся на любопытное. Костя с Русланом направились смотреть, о чем речь, Кирилл же остался стоять и лишь покачал головой — наверняка попала на глаза какая-нибудь глупость.

— Кирюх! — позвал Костик. — Иди сюда!

Кирилл на призыв Кости откликнулся и все-таки соизволил подойти. И действительно обнаружилось кое-что, представляющее интерес: на земле лежала женская сумка, из которой вывалились несколько мобильных телефонов, какие-то документы и кошелек.

— Только поглядите! — Виталик поднял один из телефонов: модель была дорогая. — Гребаные детишки-мажоры даже мобильные сбросили, когда драпали.

— И деньги, — Руслан взял в руки кошелек, из которого торчали купюры.

— Это надо быть круглыми идиотами! — посмеиваясь, Виталик выудил еще один телефон. — Блин, этот стоит как две мои зарплаты! Я в том году мечтал себе такой взять. Так кредит не дали. А эти мажоры просто так выкинули! Ребят, можно я себе его оставлю? Детишкам точно уже не надо. Они все выбросили!

— Слушайте меня внимательно, — воззвал Кирилл к совести коллег. — Мы не воры. Это чужие вещи, и они должны быть возвращены своим владельцам.

— А где твои владельцы? Они сдриснули! — полушутя, полуобиженно отозвался Виталик.

— Смотрите! — влез между ними Костя. — Там еще вещи лежат.

Он показал пальцем, где среди мусора и вправду валялись несколько сумок и рюкзаков.

Тем временем со стороны реки усилился шум — это гудело пламя, пожирающее сухой лес. Огонь подбирался к берегу. Несмотря на водную преграду, им следовало спешить и как можно быстрее разобраться во всей этой истории.

— Будем действовать следующим образом, — Кирилл метнул короткий взгляд на поднимающийся за их спинами дым, а затем обратился к коллегам, — вы, так и быть, останетесь и соберете все вещи, какие найдете. Ничего себе не присваивать! Я проверю!

— А ты? — спросил Костя.

— А я пойду, посмотрю пирс и вон тот сарайчик. Вряд ли там кто-то есть, но разведать надо.

— Верно говоришь! — горячо поддержал Виталик. — Только давай побыстрее, мне тут все больше и больше не нравится.

— Не учи ученого, — бросил он ему и развернулся.

Кирилл оставил компанию, и, хмурясь, двинул к берегу. Всеобщий беспорядок, брошенные сумки с документами и личными вещами — все это не сулило ничего хорошего. Но, весьма быстро он нашел подходящее объяснение: вероятно, из-за пожара началась паника, а люди в подобном состоянии могли вытворять всевозможные глупости, порой граничащие с умопомешательством.

И если даже спасатели, выдавшие виды профессионалы, приехав сюда, ставили под сомнение свое хладнокровие, что уж было говорить о детях, этих изнеженных отпрысках богатых и влиятельных людей.

Пирс находился метрах в двадцати, частично загораживаемый пристройкой. Это была склоченная из свежих досок одноэтажная лачуга с дверью и большим окном. К сожалению, окно прикрывала штора, и поэтому увидеть внутренне убранство возможно было только войдя внутрь. И Кирилл вошел.

Удивительно, но его встретил относительный порядок. Лишь на полу покоились скомканные бумаги и вырванные книжные страницы. Он поднял одну из таких — какой-то английский текст.

Интерьер помещения был немудреным: вывешенные по стенам дешевые репродукции на морскую тематику, какая-то рыбина на деревянном щите, выступающая в роли бутафорского трофея, да стол с канцелярским набором. У дальней стенки — диван. За ним находилась еще одна дверь, туда Кирилл и двинул.

Он попал в подсобку, где хранились удочки и прочие рыболовные аксессуары, а также оснастка для моторной лодки. И там же располагался выход — так Кирилл попал на пирс. Что же, это было удобно.

Пирс, в отличие от забора, был сделан на совесть. Его соорудили достаточно длинным, и пришвартоваться могли с десятков лодок. Правда, на тот момент он пустовал.

Пройдя до середины, Кирилл сделал важное открытие и, наконец, понял, куда все подевались: на одном из швартовочных крюков, вмонтированных в пирс, обнаружился примотанный обрезок каната. Узел, на котором тот держался, был замысловатым — как раз такими и пользовались всякие изощренные судовладельцы.

Тот факт, что канат был отрезан, говорило о многом. Например, что резавший его человек не умел работать с узлами — несмотря на кажущуюся сложность, такие узлы обычно распутывались одним движением. Просто требовалось знать, как дергать. А тот, кто отшвартовывался, не знал. Вероятно, это вполне мог быть ребенок или вожатый.

Таким образом, Кирилл небезосновательно предположил, что все дети, ровно как и персонал лагеря, попросту уплыли. И этот вариант превосходно все объяснял. В отсутствии сухопутного транспорта пробираться по лесу, который, возможно, тоже мог гореть, представлялось рискованным предприятием. Куда как логичнее было воспользоваться лодками, где ударающих окружала бы вода, тем самым защищая от огня.

И все же не отпускало какое-то нехорошее предчувствие. Стараясь не смотреть в сторону поднимающегося дыма (а с пирса клубы выглядели пугающе-величественно, и, казалось, нависали гигантской стеной прямо над ним), он огляделся по сторонам — как выяснилось, не

зря. Чуть дальше вдоль берега, метрах в десяти, Кирилл увидел небольшую заводь, в центре которой прямо из воды возвышалась ротонда.

С берега ее закрывали высокие кусты, но с лодочного причала было видно, что к ротонде подведена небольшая деревянная дорожка на сваях, которая в этих же кустах и скрывалась. Наверное, туда приходили посидеть и расслабиться, глядя на реку и поросший раскидистыми соснами противоположный берег.

Ротонду следовало проверить. И тогда уже можно было со спокойной душой убираться прочь. Кирилл слез с пирса и углубился в заросли. Нужная тропинка нашлась быстро, она была протоптанная и явно пользовалась популярностью.

Довольно быстро в носшибанул резкий запах — отчетливо воняло бензином. А выйдя к кромке воды, он заметил, что тут лежали две металлические бочки, поваленные в реку: от них как раз и пахло. Разноцветной пленкой топливо разлилось по поверхности, загадив красивое место.

Теперь погибнет и растительность, и рыба, которая уже успела кое-где всплыть кверху брюхом. Интересно, кому понадобилось так поступать?

Однако времени на рассуждения не имелось, и Кирилл поспешил к ротонде. Она была сколочена из дерева, покрашенного в белый цвет. Внутри под крышей располагались лавочки. По центру стояла металлическая чаша, в которой разжигали огонь и, наверное, сидели вокруг, наслаждаясь уютной атмосферой. Должно быть, вечером или ночью это было красиво.

Кирилл заглянул в чашу: угли и какие-то обгорелые кости. Скорее всего, тут еще и что-нибудь готовили, вроде шашлыка. Более ничего приметного обнаружить ему не удалось. И лишь когда он обошел чашу по кругу, ему вдруг попался на глаза локон волос на одной из лавочек.

Он поднял его. Это были черные женские волосы, длиной примерно сантиметров тридцать-сорок. С одного конца их опалило, а с другого висела частичка кожи — кто-то вырвал локон из головы.

Похоже, имела место какая-то стычка. Впрочем, с учетом ранее увиденного, такое казалось не удивительным.

Гул от пожара между тем резко усилился. Кирилл поднял глаза и увидел, что над деревьями теперь взвивались языки пламени — огонь почти добрался до реки.

С того берега доносился грохот и треск. Летели вверх горящие ветви и хвоя. Это все возносилось раскаленным потоком, а поднявшись, разлеталось по округе — горящие частицы начинали пересекать реку. Надо было как можно быстрее убегать, пока лес не вспыхнул на их стороне.

И Кирилл уже был готов рвануть прочь, но его вниманием завладели всплывшие около ротонды мертвые рыбины, случайно попавшиеся на глаза: их размеры и форма были слишком неправильными. Он пригляделся и понял, что у рыбы не имелось чешуи, а следом и вовсе осознал, что белесые пятна не являлись всплывшей кверху брюхом речной фауной...

Но осмыслить увиденное он не успел — до него докатилась волна жара: ревущее пламя вырвалось к речному руслу.

Оно моментально сожгло деревья, растущие на берегу, а затем, сорвавшись с крон, перемахнуло по воздуху на противоположный берег. Это было что-то фантастическое — Кирилл заворуженно глядел, как многометровые языки движутся над водой, словно драконы из сказок.

Вспыхнули верхушки деревьев на его стороне.

Бежать! Бежать без оглядки!

Ему моментально стало безразлично на то, что он обнаружил в воде — Кирилл со всех ног кинулся наутек. Шансов обогнать пожар было немного, но если они успеют добраться до автобуса...

Коллеги не видели, как пламя перебралось на этот берег, и продолжали ковыряться в вещах. Загодя Кирилл начал орать им, и только тогда они всполошились. И поступили ровно, как и он: позабыв обо всем, побросав вещи, которые собирали, все они устремились наверх по склону.

За ними по пятам гнался пожар. В высушенном лесу он распространялся с невероятной скоростью. Трещали горящие деревья, гудел жар, начинавший нагревать им в спины.

К счастью, транспорт завелся сразу, и Руслан, не обращая внимания на ухабы, понесся подальше оттуда. Огонь шел следом и почти нагонял. Пламени было проще — спасатели ехали по грунтовке, а оно катилось по кронам деревьев, выжигая все, что под ними.

Костя и Виталик без разбору кричали Руслану, чтобы он гнал. Руслан, матерясь, орал на них и на машину. Кирилл, хоть и молчал, но тоже был напуган — еще никогда прежде ему не доводилось сталкиваться с верховым пожаром, и теперь он понимал, почему так много людей в свое время погибло от такого. И отчего пережившие всегда вспоминали подобное с содроганием.

Им повезло — они не застряли, не остались без колеса на очередном ухабе, Руслан не умудрился врезаться в какое-нибудь дерево на одном из поворотов. Пламя так и не смогло сожрать их, правда, был один момент и огонь практически добрался до машины, но, пронесло.

И когда уже выехали на трассу, а горящий лес остался позади, Кирилл снова задумался насчет рыбин у ротонды. Что это было? Быть может, ему просто показалось? Он не хотел верить, что наблюдал человеческие останки.

III. Putrida

Во дворе лежала какая-то каша — не снег, а не пойми, что. Казалось ведь, полночи с неба сыпались большие белые хлопья. Кирилл, когда в шесть утра проснулся и отправился по нужде в туалет, застал эту впечатляющую зимнюю картину и некоторое время проторчал на улице, пока ноги не озябли.

Промелькнула надежда, что зима вот-вот победит затянувшуюся осень, ощущавшуюся теперь вечной. Но нет, она снова сдалась, уступила. Хотя и числился декабрь, считай, середина месяца, а снега практически не было. Прошедший снегопад был вторым или третьим за все время.

К тому же держалась удивительно теплая погода, не позволявшая снегу надолго залежаться — даже по ночам мороз не опускался ниже пары градусов, а чаще всего было плюс три-четыре. Ну какая это зима?

Кирилл вздохнул и продолжали пялиться в окно. Хотя на земле снег почти растаял, смывшись с грязью, на всяких предметах он еще оставался лежать чистым. Во дворе ваялось много всякого, накопленного неизвестно кем и неизвестно по какой надобности.

Тут имелись ржавые детали от автомобилей, части каких-то станков, невнятные строительные мешки, сложенные горой, и в которых неизвестно, что хранилось. Банки, склянки, деревяшки, полусгнившая мебель, бочки, оплетка, мотки проволоки и еще много всякого.

Ужасно хотелось разгрести весь этот ненужный хлам, но Наталья противилась. Утверждала это память о бабушке. Кирилл скрипел зубами, хмурился, но не настаивал — как-никак, дом был не его, да и обитал он здесь не так уж и долго. Не мог же он сходу начать все по-своему переделывать — это было, как минимум, не очень культурно.

«Ничего, — напомнил он себе, — потерпеть полгодика, а там можно будет взяться за эту мусорку».

Беспорядок мозолил глаза, и Кирилл перевел свой взгляд на водонапорную башню. Дом, в котором он находился, располагался на пригорке, откуда открывался довольно неплохой вид на город. И отсюда же виднелась башня с выложенной красным кирпичом надписью «1987».

Забавный факт: стоя у ее подножия, постройка выглядела рядовой и ничем не примечательной, но с расстояния, например с того же окна, через которое глядел Кирилл, было заметно, что башня немного покосилась.

Кирилл как раз оценивал перспективы ее падения, когда в дверь позвонили. Точнее, не в дверь, а в калитку: от нее со стороны улицы был проведен звонок, расположенный в коридоре.

Сначала решил не открывать — вряд ли кому-то важному понадобилось ломиться к нему спозаранку. Однако звонивший был настойчив, и тогда Кириллу вспомнилось, что Костик, его коллега по работе, как раз обещал зайти. На прошлой неделе они случайно встретились на рынке, но, поскольку оба были заняты, поговорить нормально не удалось, вот Костик и напросился в гости.

Чуть прихрамывая, Кирилл запахнул халат и пошел открывать. Он не ошибся — на пороге действительно нарисовался Костик.

— О, я погляжу ты без трости, — после приветствия подметил он, широко улыбаясь.

— По дому можно и так ходить, — Кирилл похлопал себя по ноге. — Заходи.

— Неплохо ты устроился, я погляжу, — деловито присвистнул Костя, шагнув за забор.

— Ага, раскатал губу. Я только на одной половине живу, на второй соседи.

Костик подивился не просто так — после куцей городской квартиры, дом смотрелся просто огромным. Это было добротное деревянное строение, сложенное из бревен и украшенное резными наличниками.

Если присмотреться получше, то становилось видно визуальное различие между двумя его половинками — одна была выкрашена, вторая сохраняла естественный цвет.

Проведя коллегу побыстрее через двор, чтобы не так бросался в глаза хлам, завел Костика внутрь. В самом доме тоже было навалено всякого, но это хотя бы хранилось в относительно порядке.

Мельком показав ему интерьер и комнаты, Кирилл проводил гостя на кухню. Там и уселись.

— Может, выпьешь? — поинтересовался он у Кости. — Есть чего покрепче, есть пенное.

— Давно ли ты стал с утра закидываться? — в шутовском тоне пригрозил ему Костик.

— А я а отдыхе, — парировал Кирилл и подошел к холодильнику. — Забыл уже? Да и сегодня выходной. Тем более это же не просто так, а за встречу. Давненько мы не виделись.

— Это да. Сколько прошло? Месяца три-четыре?

— Около того, — Кирилл приоткрыл холодильник и посмотрел на собеседника. — Ну так как?

— Не, я пас. Мне бы лучше чайку. Дела еще ждут. Видишь, даже пришлось с утра к тебе заваливаться, а то потом у меня времени совершенно свободного не будет. Моя попросила кое-что по хозяйству сделать. Надо будет в строительный ехать.

Кирилл не стал спорить, пожал плечами и, достав из холодильника бутылку коричневого стекла, полез ставить чайник.

— Как в общем поживаешь? Помимо здоровья-то? — осведомился Константин, косясь на Кирилла, наеживающего себе в кружку темного пива.

— Да хреново, если честно, — когда пена достала до края, Кирилл остановился и приподнял кружку. — Твое здоровье!

— Лучше уж твое, — отшутился Костик. — А чего хренового?

— Да погода меня расстраивает, — с издевкой произнес Кирилл и отпил, после чего покосился на окно. — Видишь, хляби какие.

— Это лучше летней жары, — вздохнул Костя.

— Будь она неладна, — он покачал головой и залпом залил в себя содержимое.

— Ого! Ты так не налегай с утра то. А то закончишь как Виталик.

— А он еще не закончился, — передразнил Кирилл и направился за второй бутылкой.

Заодно и заварил чая для коллеги. Костя теперь сидел с дымящейся чашкой и потихоньку отпивал маленькими глоточками.

— Слушай, а ведь я так и не успел у тебя спросить насчет твоей новой подруги, — Костя заерзал на стуле, видимо, немного смущаясь. — Ты перед тем, как ногу сломать, сказал только, что с какой-то авантажной дамой замутил.

Кирилл улыбнулся и начал наливать новую порцию. Алкоголь с утра подействовал моментально — на душе сделалось спокойнее, а говорить было приятно и легко. Более того, теперь ему хотелось делиться мыслями и впечатлениями. Но он решил дожидаться, пока кружка наполнится, и некоторое время сохранял молчание.

Пока молчал, вспоминал, как все было. Точнее, к чему все это привело. Лариса, его прежняя сожительница, не выдержав, ушла. Она и так постоянно выказывала недовольство из-за его графика работы и общей загруженности, и, потеряв терпение, бросила его.

— Так и будешь молчать? — прервал ход его мыслей Костик.

— Выдерживаю паузу, — честно признался Кирилл, улыбаясь. — Это называется интрига.

— Тогда считай, что я достаточно заинтригован, — он отпил чаю и откинулся на спинку стула. — Ну так как там было?

Кирилл, набрав кружку, снова приподнял ее, озвучил тост и, отпив, принялся рассказывать.

После случая в детском лагере, Виталик, пережив довольно сильный для него стресс, стал выпивать. И иногда с этим делом перебирал.

Костик, поскольку они с Виталием общались мало и исключительно по рабочим вопросам, пребывал не в курсе данного обстоятельства. А вот Кирилл о проделках коллеги был осведомлен, потому как жили они практически по соседству — в панельных домах, расположенных рядом.

К тому же, Виталик из своих загулов секрета не делал, и его можно было часто встретить около дома, причем в весьма приподнятом настроении.

И вот в один из таких вечеров, с субботы на воскресенье, они и повстречались с Кириллом. Тот к тому моменту жил уже один, и после пережитого в детском лагере, тоже иногда в выходные глушил пережитое алкоголем. Так вышло и в тот вечер.

Случайно встретившись, они разговорились. Всплыло, что у Виталика дома отдыхали две женщины, с которыми он пил, и Кирилл незамедлительно был приглашен составить им компанию. В итоге засели вчетвером.

Но обошлось без всяких двусмысленностей — Кирилл подметил, что обе дамы явно симпатизировали коллеге, и поэтому держался прилично. Конечно, были и шутки, и пошлости, ровно как и дополнительный алкоголь с редкими закусками, но в целом посиделки выходили неплохие. Громко играла музыка, пару раз жаловались соседи, однако ближе к утру все устали и отправились спать. Кириллу выделили место на кухне, где он и повалился.

Проснулся с утра от непрекращающегося трезвона в дверь. Остальные участники попойки спали мертвым сном (надо думать, спать они легли чуть позднее его), и Кирилл поплелся открывать, потому как на больную голову трель звонка казалась сущей пыткой.

Ожидая там разгневанных соседей или того хуже, участкового, он постарался принять наиболее приличный вид и, тряхнув головой, отгоняя дурман, отворил: на пороге стояла женщина.

Лицо ее было не сказать, что довольным, но эта сердитость ей необычайно шла. Роскошные рыжие волосы ниспадали до плеч, точеные брови изогнулись в легком негодовании, а большие голубые глаза с темной окаемкой пылали холодными льдинками.

Разглядев Кирилла, она смягчилась, а узнав, что он всего лишь коллега Виталика, то вовсе заулыбалась. Еще довольней она сделалась, когда Кирилл пустил ее в квартиру и довел до комнаты, где спала вся троица.

Тогда же выяснилось, что незнакомка пришла забирать свою родственницу (коей оказалась одна из девушек Виталия — черноволосая гарпия с немного рябым лицом по имени Илона), а Кирилл был на этом празднике жизни случайным гостем.

Изобразив из себя более-менее приличного человека, он, кажется, окончательно завоевал сердце женщины, и она, согласившись дожидаться, пока остальные проспят, отправилась с ним на кухню пить чай.

Так они и просидели несколько часов вдвоем, болтая о всяком. Быстро открылось, что у них имелись общие интересы, да и взгляды на жизнь выходили схожие. Говорили много и обо всем, и к концу разговора оба были впечатлены друг другом, чего, сами и не скрывали.

Ну а уже после закулилось, завертелось. Снова встреча, потом другая, совместные прогулки. Наталья, а так звали его новую знакомую, через какое-то время предложила сойтись. Раз им так хорошо общается, почему не быть вместе? Тем более на тот момент оба не были обременены отношениями.

Кирилл сначала предлагал переехать к нему, но Наталья предложила вариант получше: к чему ютиться в однокомнатной квартире, да еще и с соседями-дураками, если можно жить в отдельном доме.

Так и порешили. Правда, несколько все омрачил перелом, случившийся с Кириллом после переезда. Но развитие их отношений это никак не повлияло.

— Вот это поворот, — подытожил Костя, когда история подошла к финалу. — Никогда бы не подумал, что Виталик поможет твоей личной жизни.

— Да какой там, — отмахнулся Кирилл. — Где он помог? Повезло просто, что у Наташи родственница такая гулящая оказалась.

— А Наталья, — дипломатично осведомился Константин, — надеюсь, не из таких? Кстати, а где сама дама сердца? Выходной же.

— Да ты чего? Ни разу! Она вообще приличная баба. До этого несколько лет встречалась с каким-то козлом, но тот загулял от нее, и она его кинула. Потом долго одна была, не могла себе мужика найти, все ей казались какими-то ненадежными. А дома ее нет, потому что с подругами уехала по делам. Я ж тебе говорю: приличная баба и деловитая.

— Это хорошо, что она тебя встретила. Ты мужик четкий.

— А то, — Кирилл потянулся наливать себе еще пива.

— Ты на алкашку не налегай особо, — с улыбкой посоветовал коллега.

— Костя, а кто тут налегает? — задорно протянул Кирилл. — Это же пиво, а не водка. Да и выходной.

— А для ноги твоей не вредно? — парировал Костик. — Тебе же гипс не так давно сняли.

— Три недели назад, — быстренько подсчитал Кирилл и отпил. — Видишь, как не везет в этом году. То рука, то нога.

— Вот и пей поменьше, а то как бы голова не пострадала, — кисло отшутился он.

— Голова уже пострадала, — многозначительно заявил Кирилл и умолк на некоторое время.

Его собеседник догадался, что он имеет в виду, и тоже выдержал паузу.

— Слушай, да брось ты! — все же решил Костя затронуть болезную тему. — Не ты, не мы не виноваты, что так вышло. Понимаешь? Мы ничего сделать не могли. Слышишь? Ничего. Ладно, Виталик запарился, да и то он не из-за детей это сделал, а из-за собственной шкуры, которую чуть не подпалило. Но ты-то чего? Там обстоятельства от нас не зависели.

Он говорил про случай с детским лагерем, когда их бригада едва спаслась от огня, удрав на микроавтобусе. Они тогда не пострадали, а вот обитатели лагеря, четырнадцать детей, семь мальчиков и семь девочек, погибли. Точнее, утонули, пытаясь оттуда выбраться на лодке. Их позже нашли в реке. Все это время Кирилл винил в случившемся себя, хотя к моменту их прибытия дети уже умерли.

— Я не из-за этого парюсь, — решил наконец-то признаться Кирилл (тут, похоже, сказалось утреннее пиво).

— А из-за чего тогда?

— Помнишь, мы бараки осмотрели, потом вы начали вещи собирать, а я пошел проверять пирс?

— Помню, — Костя подался вперед, внимательно вслушиваясь.

— Я там кое-что увидел. Как раз перед тем, как пожар добрался до берега, — говорил он медленно, словно бы нехотя.

— И что ты видел?

— Там рядом с пирсом стояла в воде ротонда.

— Что стояло?

— Беседка. На сваях. Лавки, мангал. Не в этом дело. Я там заметил кое-что в воде, — он сделал продолжительный глоток.

— И что же? — поторопил его заинтригованный Костя.

— Мертвых. Точнее, мне показалось, что мертвых. Они плавали в воде.

— А ты до этого мертвых, что ли, никогда не видел? — не понял его Костик.

— Видел конечно. Просто эти были... Понимаешь, дети ведь уплыли на лодке незадолго до нашего появления, а в воде плавали останки в приличной степени разложения. И к тому же, это были не целые тела.

— Не целые?

— Я думаю, нет, — Кирилл вздохнул, уже жалея о том, что ввязался в тему.

— Почему же ты не сказал никому?

— Потому что я не уверен, что я видел. Это длилось секунду, не было времени разглядывать. Тем более, вспомни, что нам потом сказали: тела нашли в реке, ниже по течению. Понимаешь? Ниже.

— Хочешь сказать, что те тела у беседки принадлежали не детям из лагеря? Но там все обыскали, целая комиссия, как я слышал, выезжала. Они, наверное, догадались проверить и реку в том месте.

— А что, если нет?

— Да брось, — поспешил успокоить его коллега. — Тебе могло и показаться. Или, например, ты и правда видел там тела, а их потом течением вниз утащило. Всех же пропавших нашли?

— Всех.

— Тогда чего париться? Они были мертвы. Мы им ничем помочь бы не могли. Забудь! Ты ни в чем не виноват.

— Не в этом дело! Понимаешь, мне не нравится, что тут есть странности, которые я объяснить не могу. Почему тела разложившиеся? Почему расчлененные?

— Ты уверен, что так все и было?

— Нет, не уверен. И поэтому не пошел никому ничего говорить. Но, мне кажется, я прав. Вот что мне не нравится.

— Ты не о том думаешь, — Костик пошел сам наливать себе чаю. — Просто не забивай себе голову. Опомнись. Ты на хорошем счету у начальства, неплохо зарабатываешь, есть перспективы карьерного роста. Живешь с красивой женщиной в отдельном доме. Со здоровьем, более-менее все в порядке, не считая сломанной ноги. Но и она через пару месяцев будет как новая. Зачем грузить голову? Да, это хреново, что дети погибли, но мы никак не могли им помочь. Летом вообще много погибших было, нам что, из-за каждого себя корить? Мы не супермены, а обычные люди. И кстати, ты лучше подумай, скольких мы спасли! Ты вон даже ногу сломал, вытаскивая девушку! Тебе мало этого?

Кирилл не мог скрыть, что ему было приятно слушать коллегу. Тем более, ногу он и вправду сломал, помогая людям. Травма случилась с ним ближе к концу лета. Продолжали бушевать пожары. Их стало меньше, нежели чем в июле, но они все равно доставляли проблемы, и приходилось выезжать.

Вот так они с бригадой и угодили к дачному кооперативу, на который наступала стихия и требовалась эвакуация. К счастью, жителей оставалось немного, и спасатели успешно справились. Но переноса в транспорт молодую девушку-инвалида, Кирилл неудачно запнулся и свалился в неглубокую канаву.

Он постарался минимизировать последствия для девушки и во время падения извернулся так, чтобы упала она на него. Из-за этого не успел сгруппироваться и неудачно приземлился на ногу. Но, поскольку девушка не пострадала, он не так уж сильно и расстроился. Тем более больничный стал неплохим отдыхом. Правда, Кирилл так думал только первую неделю.

Где-то с середины сентября зарядили дожди, и о пожарах все забыли. Осень выдалась на редкость осенней — солнце, вдоволь показав себя летом, на долгие месяцы скрылось за облаками и выглядывало крайне редко.

Дожди и непрекращающийся ветер стали постоянными спутниками жителей города. И даже наступление зимы не стало помехой осенней непогоде.

— Ладно, — резюмировал Костя и отпил чаю. — Что-то я разошелся. И ведь забыл сказать тебе самое главное! Ты же в курсе, что у меня скоро день рождения? Приглашаю тебя и твою Наталью к себе в гости. Посидим, потрещим, выпьем. Со своей стороны, гарантирую вкусную еду и хорошую выпивку. Мне такого самогона должны подогнать! Чистая амброзия!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.